

Рациональное и иррациональное познание в структуре психики

В настоящее время системный подход завоевал прочное положение в психологической науке. Как известно, основой системного подхода в психологии является качественное единство, включенность психических процессов во всеобщую взаимосвязь. Психическое является отражением действительности, выступает как функция мозга и как регулятор поведения, как природное и социальное, сознательное и бессознательное. Согласно Б. Ф. Ломову (1984), психика выступает как многомерное, иерархически организованное динамическое целое — система, функциональные компоненты которого неразделимы. Одним из важных составляющих системного подхода, является принцип детерминированности, т. е. каждое психическое свойство имеет причинно — следственную обусловленность. «Соотношение между детерминантами разных типов очень динамично, подвижно. То, что в одних условиях выступает в роли предпосылки (общей или специальной), в других может стать причиной или фактором (внешним или внутренним), опосредствующим звеном и — наоборот. Структура системной детерминации зависит от конкретных обстоятельств» (Ломов, 1996, с. 91).

Мы полагаем, что концепция системной детерминации позволяет подойти к решению фундаментальной проблемы психологии: что первично в познании — разум или чувство? В современном мире рациональность и иррациональность становятся довольно важными составляющими бытия, происходит переоценка методологических подходов в науке психологии.

Проблема связи рационального и иррационального в методологии науки. В рамках методологии науки все чаще ставится вопрос о представлении человеческой рациональности, вбирающей в себя иррациональное как момент своего движения, как свое другое (Микешина, 2006, Ильясов, Нагибина, 2007).

Проблема связи рационального и иррационального в методологии науки являлась предметом исследования многих отечественных и зарубежных ученых (В.Ф. Асмус, М. Бунге, А.Э. Воскобойников, Э.В. Ильенков, А.С. Кармин, Б.М. Кедров, В.А. Кольцова, А.А. Налчаджян, Я.А. Пономарев, К. Попович, А.Г. Спиркин, Е.П. Хайкин и др.).

Говоря о рациональности, имеют в виду особый тип отношений в системе «человек» — «мир». Все многообразие определений можно упорядочить в несколько групп. Рациональность может пониматься как:

- специфический тип упорядоченности, особая структура, противостоящая бесструктурности и принципиальной невыразимости;
- характеристика системы мироздания;
- атрибутивное свойство всех технических цивилизаций;
- характеристика познания;
- характеристика методологии или правил деятельности;
- характеристика поведения.

Рациональное через призму иррационального позволяет человеку соизмерять себя с миром, осознать соразмерность и оформленность внешнего мира. В этой направленности рациональность обнаруживает себя как соизмерение человека в бытии сущего.

Иррациональное при этом продолжает составлять сферу неопределимого, спонтанного, духовно-таинственного, интуитивного, творческого. Вместе с тем иррациональное есть та область, из которой стала выделяться рациональность. Большинство ученых (К. Jung, А.А. Митькин, Я.А. Пономарев, М.Х. Хаджаров и др.) отмечают тот факт, что рациональность и иррациональность не могут существовать изолированно. Они всегда взаимосвязаны, присутствуя одновременно в актах познания. Разобраться в этой взаимосвязи, понять функционирование познания в движении от рационального к иррациональному и наоборот — ключевая цель методологии психологической науки.

М.Х. Хаджаров (2006), анализируя проблему связи рационального и иррационального в современном мире, отмечает, что рациональность находит свое выражение в истинности человеческой деятельности, которая проявляется в соответствии вырабатываемых в ее рамках целей, методов, средств и резуль-

татов свойствам и отношениям действительности, ее объективным законам и закономерностям. Современное науковедение вносит определенные представления уточняющего характера в понимание рационального устройства мира, усложняющее и углубляющее наше познание действительности. М.Х. Хаджаров отмечает, что «развитие современной физики показывает, что рациональность мира не сводится только к динамическим законам, однозначным каузальным связям, и гармония действительности отнюдь не выражается только в ее жесткой и однозначной детерминированности, но проявляется и в неопределенности, случайных, вероятностных событиях и связях, которые также носят фундаментальный характер» (Хаджаров, 2006, с. 5).

Он предлагает синтетический подход к иррациональности и рациональности, полагая, что «осознание целостности человека как феноменального явления предопределило этот процесс, развитие которого детерминировано внутренними противоречиями позитивистской формы рациональности как ступени перехода к единству рационального и иррационального» (Хаджаров, 2006, с. 5).

П.С. Гуревич в статье «Поиск новой рациональности (по материалам трех всемирных конгрессов)» показывает, что в современной западной философии наметилась отчетливая тенденция к расширительному истолкованию понятия рациональности. Рациональность понимается, прежде всего, как метод познания действительности, который основывается на разуме. Дискуссии последних трех философских конгрессов, заключает он, свидетельствуют о том, что тип рациональности, выпестованный европейской традицией на базе культа разума и науки, претерпевает модификации. Разум только тогда рассматривается в качестве фундамента рациональности, когда он дополняется чувственностью, интуитивно-образным прозрением, всей субъективностью человека.

В настоящий момент, никто не спорит, что рациональное и иррациональное — это две стороны одной медали, важно, что находится на лицевой стороне этой медали. Все мы время от времени ведем себя иррационально или рационально. Но для того, чтобы признать кого-то «иррациональной личностью», необходимо, чтобы иррациональность его поступков превзошла определенную меру, то есть была, что называется, «налицо».

Говоря о рациональности и иррациональности, большинство психологов не имеют в виду какие-то особые свойства человеческой природы, а высказывают свое мнение по поводу тех или иных человеческих действий. «В моем анализе рациональности главное место занимает действие. Именно к действиям, поступкам и относят обычно характеристики рациональности или иррациональности. Это не значит, что данные характеристики неприменимы к убеждениям. Но какие-либо убеждения я называю рациональными или иррациональными только потому, что они связаны с соответствующими действиями», — пишет Б. Герт (2007).

Юм, на наш взгляд, более других философов распутал этот вопрос, акцентируя его решение на субъектной составляющей. Он полагал, что рациональность соотносится в первую очередь с убеждениями. По его мнению, поступки, рассмотренные в отрыве от убеждений, нельзя квалифицировать как рациональные или иррациональные; иррациональными следует считать поступки, основанные на ошибочных убеждениях, рациональными — на истинных.

А.А. Митькин (1998, 2004, 2007) рассматривая проблему субъектности, сопоставляя разные точки зрения на природу и сущность «субъекта», свидетельствует о крайней разноречивости в позициях, занимаемых по этой проблеме представителями разных психологических направлений. Такая пестрота взглядов, по его мнению, адекватно отражает многогранность, сложность и запутанность данной проблемы. При настойчивом стремлении выявить хоть какой-нибудь «общий знаменатель» наиболее рельефно выступает *познавательная* составляющая психики (особенно — при акценте на «мыслящем субъекте»). Он отмечает, что неизбежная ограниченность познания в какой-то мере компенсируется заведомой условностью и неполнотой тех критериев, по которым люди способны оценивать значимость достигаемых результатов.

В поисках решений проблемы иррациональности многие ученые пошли по пути выявления сущности феномена через исследование некоторых его специфических свойств и особенностей, так, например, «непосредственность восприятия», считается наиболее характерной особенностью интуитивного познания, определяющую его гносеологическую сущность,

причем это в равной мере относится как к интуиции чувственной, так и интуиции рациональной.

Таким образом, рационализм представляет разуму право на неограниченное господство; против разума нельзя уже апеллировать ни к какой высшей инстанции. Иррационализм определяет инстинкт, интуицию, чувство, любовь как решающие источники познания, данные которых разум лишь разрабатывает дальше. Мы полагаем, что существует два пути дальнейшего развития методологии науки: «разделяй и властвуй» или гармоничный симбиоз.

ТАБЛИЦА 1. *Иррациональная функция
в контексте юнгианских типов*

Доминирующая иррациональная функция	Подчиненная иррациональная функция
<p>Инстинктивное «схватывание» Содержания восприятий имеют характер «данности» Лежит вне разума На разуме не основана Приемлет случайное Руководимо случайными восприятиями Передает субъекту восприятия бессознательным путем Абсолютная сила восприятия, оно не подлежит никакому выбору через суждение Высокая степень эмпиричности Опыт выше суждения Живая и подлинная действительность ставится выше идей разума Вера в пример, а не в метод</p>	<p>Приводит к психосоматическим расстройствам Болезненно повышает деятельность фантазии Придает мышлению примитивный и инфантильный эгоцентрический характер Приводит к акцентированию сексуальных потребностей</p>

Рациональность и иррациональность в психологической науке. В современной психологической науке все чаще ставится вопрос о рациональности и иррациональности как доминирующей функции в человеческом познании. Еще Пифагор делил людей на тех, у кого доминирует рациональность (с опорой на мнение или суждение) и тех, у кого доминирует иррациональность в

познании (интуиция и ощущение). Продолжил эти традиции Карл Юнг. В его учении функция может быть доминирующей и подчиненной, тогда она приобретает разные свойств.

ТАБЛИЦА 2. *Рациональная функция в контексте юнгианских типов*

Доминирующая рациональная функция	Подчиненная рациональная функция
<p>Абсолютная сила суждения Мысль конструктивна Интеллектуальный вывод Интеллектуальная формула Творческая сила мышления Масштаб суждения Справедливость и истина Опора на объективные и субъективные факты Направление и движение мыслей Догматизм Суждения синтетичны Суждения предикативны Мышление — канал, в котором главным образом протекает его жизненная энергия Мышление гармонизирует состояние, приспособлявая его к требуемой обществом обстановке или этической оценке «Сердце говорит рассудку» «Победоносная вера в метод» Восприятие имеет характер «выведенности, произведенности»</p>	<p>Негативное мышление Мысль деструктивна Мышление просто повторяет данные интуиции или сенсорики, «оно тащится на буксире других функций» «Крепок задним умом» Обесценивание предмета суждения, сведение его к известной банальности Мышление бедно доказующей и творческой энергией Мышление разрушает превосходство прикованных к объекту эмоций «Ложное мудрствование»</p>

Как видно из таблиц 1 и 2, Юнг не связывает способность к построению абстракций, а также опытное познание с рациональностью или иррациональностью, как это делают философы.

Рассуждая об интуиции, он соотносит ее с ощущением, чувством и мышлением. Интуиция — иррациональная функция. «Так как интуиция есть, по существу, бессознательный процесс, то сущность ее очень трудно постигается сознанием» (Юнг, 1995, с. 446).

Гуленко В.В. (2002), являясь представителем соционического подхода, осуществил попытку описания рациональных и иррациональных типов проявляющихся на всех уровнях коммуникативного пространства: физическом, психологическом, социальном и интеллектуальном.

Мы приведем здесь только характеристики, касающиеся психологического уровня. Рационалы отличаются эмоциональной стабильностью — способностью долго удерживать какое-либо состояние, как положительное, так и отрицательное. Это свойство позволяет легко предсказывать их эмоциональные реакции. О них можно сказать: если рационал друг — так это друг, а если враг — так это враг.

Они мало зависят от своих внутренних биоритмов. Колебания настроения имеют у них практически всегда «уважительную» внешнюю причину. Своим состоянием они управляют: несмотря на отрицательное настроение, могут заставить себя с должным качеством выполнить необходимую работу или же, наоборот, несмотря на жгучее желание, отказаться от того, что их так влечет.

Иррациональные типы эмоционально непостоянны, отличаются изменчивостью своего состояния: их настроение может меняться по нескольку раз на день само по себе. Поэтому их психологические реакции часто немотивированы для постороннего наблюдателя.

Иррационалы очень сильно зависят от колебаний своих биоритмов. Управление своим состоянием всегда составляет для них трудную проблему: когда они на спаде, силы покидают их и работа не выполняется. Приходится дожидаться эмоционального подъёма, чтобы одним махом наверстать упущенное. Качество работы от этого, конечно же, страдает.

«В плане познания интуиция действительно выступает как непосредственное знание», — писал Я.А. Пономарев (1999).

Пожалуй, наиболее смело проблему именно *взаимосвязи и взаимоперехода* рационального и иррационального в познании ставит Я. А. Пономарев. Описывая процесс возникновения интуиции, он отмечает, что исследователь прежде всего использует имеющиеся у него знания. «Но рациональные, сознательно организованные действия во взаимодействии субъекта с объектом при решении творческих задач всегда имеют определенные границы». Если же этих действий недостаточно, то

«единственным источником расширения знаний становится побочный продукт действий. Это приобретенный непроизвольно, не осознаваемый исследователем опыт, как бы навязанный теми предметами, с которыми ему приходилось действовать... После осознания побочного продукта соответствующие интуитивные знания включаются в сознательно организованный опыт, обогащая и расширяя его» (Пономарев, 1999, с. 27).

Со временем эти знания могут совсем перестать быть интуитивными, перейти в разряд логических, рациональных. Однако, согласно Пономареву, по способу происхождения они всегда останутся интуитивно добытыми знаниями.

Рассмотрим иррациональность как познавательную функцию человека. Проблема в том, что, как мы видим, многие психологи подходят к определению иррациональности только через поведенческие характеристики — импульсивность, несистематичность получаемого знания и т. д. На наш взгляд, они упускают самое важное — природу иррационального знания, которое возникает внезапно и сразу как неосознаваемая реакция.

Приведем ряд примеров для понимания того, что мы связываем с *иррациональностью*:

- мать, которая на расстоянии чувствует, что ее ребенку угрожает опасность;
- художник, который чувствует, что перешел в некую иную реальность, и его кистью водит сам Бог;
- дорога, которую выбирает человек, когда на пути нет никаких указателей;
- любовь с первого взгляда, ощущение, что это твое;
- балансирование на велосипеде, когда начинаешь учиться кататься на нем;
- ощущение, что выберешь счастливый билет на экзамене;
- чувство надвигающейся опасности, хотя внешне все спокойно;
- состояния, когда пытаешься «почувствовать» какого-то человека, предмет, ситуацию;
- наши сны;
- галлюцинаторные явления;
- разного рода мистические явления;
- непосредственное восприятие и переживание цвета, формы, звука, аккорда.

Примеры *рациональной* функции:

- Создание различных планов работы с определением ее этапов.
- Написание различных инструкций.
- Перебор в голове различных вариантов решений со взвешиванием всех «за» и «против».
- Размышление о чем-либо, когда мысль движется поуровнево, а не скачками.
- Фантазирование под влиянием все время включающихся новых элементов (что вижу, про то и пою) с постепенным последовательным подстраиванием новых элементов.
- Припоминание чего-либо, когда воссоздавая и конструируя бывшую реальность, вы пытаетесь «разложить все по полочкам».
- «Почему» часто более важно, чем «как».
- Их картина мира очень устойчива.
- Они знают «как надо» и «как не надо», как лучше и как хуже.
- К накопленным знаниям они относятся как к богатству, которое имеет свою цену.

Как показывает обзор философских и психологических концепций, рациональность и иррациональность находятся на одной оси (Пономарев, 1999). Мы же полагаем, что это две оси, ортогонально связанных между собой, и каждая из них имеет полярную направленность — на мир или на Я.

Иррационалы с различной направленностью по — разному воспринимают себя и мир на интуитивном, чувственном уровне.

Люди с направленностью иррациональной функции на мир

- а) часто чувствуют другого лучше, чем себя;
- б) предпочитают цвета прозрачности палитры — зеленый, синий, розовый;
- в) дисгармония конфликтов их напрягает и расстраивает;

Для людей, у которых иррациональная функция направлена на Я, отмечается следующее:

- а) обычно они в первую очередь чувствуют себя, а потом другого;
- б) их предпочитаемая палитра цветов — насыщенные яркие желтый, красный, фиолетовый, коричневый;
- в) они часто провоцируют конфликт, для поднятия адреналина в крови.

Направленность рациональной функции связана с доминированием в мыслительных процессах эмоционально-личностного или эмоционально-безличностного компонентов. В ориентированности этой функции на мир мышление обладает такими характеристиками как объективность, аналитичность, подчиняется в большей мере правилам формальной логики, а не правилам реального наблюдаемого мира.

Для тех, кто ориентирован на Я факт — это некая святыня, вокруг которой они эмоционально крутятся. Они могут его не замечать или преувеличивать его значимость. У них логика не формальная, а этическая. Их логика может легко меняться под влиянием социальной ситуации и настроения в обществе.

Наблюдая за рационалами, направленными на Я, мы отметили следующие факты:

а) они ориентированы в большей мере на настоящее и зависимы от него. Они живут «здесь и теперь»;

б) для них особую важность приобретают социальные отношения. Они умеют их органично учитывать и использовать для своей пользы;

в) для них важно, что будут думать о них окружающие;

г) они действуют и мыслят в рамках пространства, на которое могут эмоционально и с помощью конкретных воздействий влиять.

Рационалы, с направленностью доминирующей функции на мир:

а) зависимы от своего опыта в прошлом и от своих сформированных планов поведения;

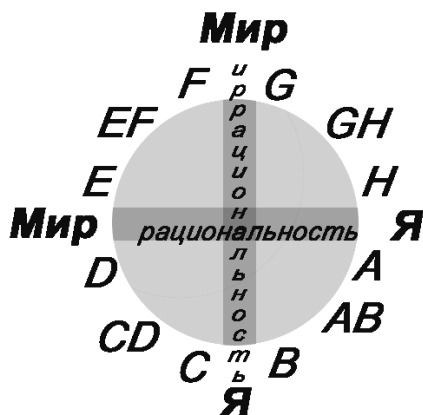
б) они используют окружающих в своих целях, как шахматист использует шахматы для возможности подтвердить или опровергнуть свои гипотезы о функционировании мира, общества, отдельных процессов и явлений;

в) свое мнение они часто ставят выше, чем мнение окружающих;

г) их мир — весь земной шар, природа и ее законы, общество и его законы в самом широком смысле часто вне контекста конкретных ситуаций.

Эту систему воззрений на рациональность/ иррациональность как детерминанту познания можно представить графически:

СХЕМА 1

Более детальный анализ схемы можно посмотреть в монографиях и на сайте (www.IIDP.ru).

Таким образом, никто из психологов не сомневается, что в каждом человеке существует в определенном соотношении рациональный и иррациональный компонент. Однако как рациональность, так и иррациональность многолика.

Детерминирующее влияние рациональности и иррациональности на познание. Разобраться во всех нюансах и хитросплетениях рационального и иррационального в познании, с нашей точки зрения, могут помочь сами психологи и философы, относящиеся к тому или иному психологическому типу.

Для изучения ярких случаев конкретных субъектов, которые могли бы рассказать об особенностях своего познания, был разработан системно-биографический метод (Барабанщиков В.А., Нагибина Н.Л., 1999).

Проблема смыслового контура — одна из центральных при составлении психологического портрета человека. Все второстепенное должно отойти на задний план. На этом этапе, главный вопрос, который ставит себе психолог: Что в жизни этого человека самое смысловое, центральное? Для чего он живет? Как оказалось, в результате наших многолетних исследований, ценностно-мотивационная сфера завязана в тугую узел с когнитивными характеристиками. Практически невозможно сказать, что здесь первично, а что вторично. Важно одно — есть

некие стабильные соответствия и соотношения, которые поддаются описанию. Описание этого «узла» — и составляет основу психологического портрета.

Б.Ф. Ломов (1984) подчеркивал, что в исследованиях детерминации поведения психология сталкивается с детерминантами разного порядка: единичными, особенными и общими. Он отмечал целесообразность и полезность исследования жизни выдающихся людей, не забывая, однако, что в этих исследованиях «единичное неизбежно рассматривается в связи с особенным и общим» (Ломов Б.Ф., 1984, с. 125). Поведенческие характеристики включают в себя смысловое значение, темпераментальные особенности и отработанные навыки. По-видимому, каждый аспект следует рассматривать самостоятельно. В данной работе, мы намеренно делали акцент лишь на ценностно-смысловых моментах поведенческих характеристик. Индивидуальность, таким образом, максимально приближалась к типу.

Метод анализа высказываний на основе исследования дневников, писем, автобиографических сообщений использовался для проверки гипотез. Формулирование гипотез о модели психики другого происходило на основе ясных высказываний самих испытуемых об особенностях своей познавательной сферы. Критерием отнесения к тому или иному типу являлось отношение к мышлению (отдается ли ему главная роль в познании) и к восприятию (имеет ли оно характер процессуальности «выведения» или «данности»).

Продукты деятельности, в нашем случае — это продукты творчества, могут многое сказать о личности человека, создававшего их. Музыка, картины, стихи и проза рассматривались нами в традициях проективных методов. Вопрос стилистики при этом, был одним из главных и определяющих.

Учитывались также экспертные оценки — рецензии, критические статьи.

Сама жизнь человека с чередой поступков служила прекрасным объективным показателем при создании его психологического портрета. Несомненно, учитывался внешний вид и условия жизни.

Исследовательская позиция — познать психику другого через безоценочное признание чужого мира значений и смыслов — составляла суть «портретного письма».

Для создания психологического портрета исторического лица необходимо иметь достаточное количество документальных письменных свидетельств относительно качеств личности. Дневники, письма, размышления, записанные разговоры могут служить такими документами. Необходимо также достаточное количество «свидетельских» показаний совершения определенных поступков, критический их отбор.

Алгоритм создания психологического портрета исторического лица можно описать в следующих этапах:

1) Ознакомиться с основными произведениями (прослушать, проиграть, просмотреть по клавирам или партитурам).

2) Обозначить основные линии творчества:

3) Выбрать наиболее психологически значительные документы (исповеди, завещания, автобиографии и т. д.).

4) Выписать из них 2–3 центральных мысли (в цитатах), касающиеся смысла жизни и цели творчества.

5) Прочитать весь документальный материал, выписывая цитаты по рубрикам

- Когнитивный стиль (особенности восприятия, памяти, мышления);

- Ценностно-мотивационная сфера;

- Основные поведенческие характеристики;

- Творческий портрет

Результаты исследования представлены ниже в виде основных положений научных теорий об особенностях познавательных функций.

Основные постулаты ученых, опирающихся на рациональное познание.

З. Фрейд — представитель рационального типа с направленностью на Я (тип А в схеме №1) — стоит на позициях эволюционизма. «Аппарат сознания» сформировался как приспособительный механизм для максимально комфортной реализации наших желаний. В этом аппарате все работает согласованно и определяется потребностями. «Наблюдатель» находится внутри организма, он очень хорошо чувствует стимулы в категориях «удовольствие / неудовольствие», «защита / угроза». Процесс превращения восприятий в сознание происходит опосредованно. Фрейд постоянно употребляет словосочетания «аппарат сознания», «душевный аппарат», мировоз-

зрение как «интеллектуальная конструкция».

«Мы хотим не просто описывать и классифицировать явления, а стремиться понять их как проявление борьбы душевных сил, как выражение целенаправленных тенденций, которые работают согласно друг с другом или друг против друга. Мы придерживаемся динамического понимания психических явлений. С нашей точки зрения, воспринимаемые феномены должны уступить место только предполагаемым стремлениям» (Фрейд, 1989, с. 40).

«Все наше знание постоянно связано с сознанием. Даже бессознательное мы можем узнать только путем превращения его в сознательное. Но каким же образом это возможно? Что значит: сделать нечто сознательным? Как это может произойти?»

Само собой разумеется, что *сознательны все восприятия*, (курсив наш — прим. авторов) приходящие извне (чувственные восприятия), а также изнутри, которые мы называем ощущениями и чувствами. Как, однако, обстоит дело с теми внутренними процессами, которые мы — несколько грубо и недостаточно — можем назвать мыслительными процессами? Доходят ли эти процессы, совершающиеся где-то внутри аппарата, как движения душевной энергии на пути к действию, до поверхности, на которой возникает сознание? Или, наоборот, сознание доходит до них? Мы замечаем, что здесь кроется одна из трудностей, встающих перед нами, если мы хотим всерьез оперировать с пространственным, топическим представлением душевной жизни. Обе возможности одинаково немыслимы, и нам следует искать третьей...

Внутреннее восприятие дает ощущение процессов, происходящих в различных глубочайших слоях душевного аппарата. Они мало известны, и лучшим их образцом может служить ряд удовольствие — неудовольствие. Они первичнее, элементарнее, чем ощущения, возникающие извне, и могут появляться и в состоянии смутного сознания» (Фрейд, 1991, с. 429–430).

А. Бен — представитель рационального типа с направленностью на МИР (тип D в схеме 1) — полагает, что есть объективное сознание и субъективное сознание. Восприятие есть акт духа (или познания), которое действует по законам духовного мира. Знание приобретается из опыта. Это объективное сознание. Состояние и ощущения тела есть субъектив-

ное сознание. Объективное сознание активно, субъективное сознание пассивно.

«Восприятие есть акт духа; что бы мы не думали о воспринимаемом предмете «в нем самом», мы не можем отделить его от воспринимающего духа. Восприятие дерева есть духовное явление; дерево познается как воспринимаемое, и никак не иначе. Деревя, совершенно отдельно от восприятия, мы не знаем, а говорить мы можем только о том, что знаем. Восприятие материальных предметов указывает на основное разделение области нашего опыта. Мы испытываем одно духовное состояние когда смотрим на дерево, и совершенно другое, когда отдаемся ощущению приятной теплоты или страдаем от зубной боли.

Восприятие материи, или объективное сознание, связано с затратой мускульной энергии в отличие от пассивных духовных состояний... В затрате энергии мы имеем объективные состояния сознания, в пассивных же ощущениях — субъективные. В чисто пассивных состояниях (как, например, в ощущениях, не сопровождаемых затратой мускульной силы), мы не воспринимаем материи, а испытываем лишь чисто субъективные состояния сознания; таково, положим, ощущение теплоты (например, в ванне). Отдаваясь всецело приятному ощущению теплоты, мы переживаем чисто субъективное состояние, вовсе не обращенное на познание материального мира.

Наше собственное тело есть тоже часть нашего внешнего опыта» (см.: Ассоциативная психология, 1998, с. 490–492).

«Умственная способность запечатления или удержания в уме, называемая памятью, имеет два вида или две степени:

а) Она означает, во-первых, устойчивость или сохранение духовного возбуждения после исчезновения причины... оно не исчезает... оставаясь и после того, хотя и в более слабой степени, в виде образа воспоминания или «идеи» звука.

б) Собственная, высшая стадия памяти состоит в воспроизведении в форме идеи прошлых, теперь уже исчезнувших факторов...» (Ассоциативная психология, 1998, с. 360).

«Разум есть способность выводить заключения из посылок, способность приобретать научное знание. (Ассоциативная психология, 1998, с. 220).

«Основные действия ума суть: 1) сознание различия, 2) сознание сходства и 3) удержание в уме или память. Всякое соб-

ственно умственное отправление содержит в себе одно или несколько из этих действий и ничего больше» (Ассоциативная психология, 1998, с. 358).

«Опытное происхождение значительного большинства наших знаний очевидно. Остальная же часть наших знаний, по мнению некоторых философов, существует в духе от рождения; таковы, например, идеи о пространстве, о времени, о причине, аксиомы математики, сознание различия между справедливым и несправедливым, идеи о Боге и о бессмертии души.

Эти врожденные элементы знания имеют еще много других названий: врожденные идеи, инстинктивные истины, понятия и истины а priori, первые начала, истины здравого смысла, и т. д.» (Ассоциативная психология, 1998, с. 470).

С.Л. Франк — представитель рационального типа с направленностью на МИР (тип Е в схеме №1). В восприятии всегда присутствует эффект приобщенности к вечности, потенциальное ее присутствие. Видимое или данное непосредственно сознается как часть *имеющегося*, хотя и не данного, безграничного целого. Для познания характерна позиция «наблюдателя» со стороны. Восприятие представляет собой последовательный процесс, в котором можно выделить отдельные звенья. Сознание анализирует этот механизм как процесс перехода объективного в субъективное.

«Сознание в каждый момент имеет, во-первых, комплекс непосредственно данных образов, и, во вторых, мысли о содержаниях, лежащих за пределами «данного». Эти содержания, конечно, сами по себе не могут считаться непосредственно-данными и самоочевидными; напротив, мысли о них суть лишь более или менее вероятные догадки, нуждающиеся в проверке, то есть образуют область опосредованного знания. Но мы видели также, что в основе всего этого опосредованного знания о том, что именно находится за пределами данного, должно лежать непосредственное знание о том, что там вообще что-то находится, то есть непосредственное знание неопределенного, неведомого по содержанию бытия за пределами «данного». Это последнее непосредственное знание мы должны теперь с полной отчетливостью и конкретностью вскрыть в составе сознания.

Мир не кончается, не исчерпывается тем, что я вижу. Видимое или данное непосредственно сознается как часть *имеюще-*

гося, хотя и не данного, безграничного целого. При всем моем (возможном) полном неведении о том, *что именно* лежит за пределами видимого мною портрета на красном фоне, я как бы некоторым косвенным восприятием с абсолютной, непрерываемой достоверностью «вижу» — точнее говоря, не видя, «имею» — это безграничное бытие за пределами непосредственно видимого, имею его в качестве чего-то вообще, содержание чего я не знаю, но присутствие, наличность чего я знаю с очевидностью. Таким образом, любое данное или совокупность данных есть лишь часть пространственно безграничного целого, которое я непосредственно «имею» и небытие которого немислимо, несмотря на то, что оно мне никогда не дано. Оно не дано и даже никогда не может быть дано только потому, что оно непосредственно *имеется*, как основа и фон всего «данного» (Франк, 1995, с. 124–127).

«Всякая погруженность в миг настоящего есть вместе с тем потенциальное бытие в вечности. Точнее говоря: переживание есть не совершенная погруженность в миг настоящего, а лишь сосредоточенное на настоящем и только в нем актуализированное, в остальном же лишь потенциальное и зачаточное сверхвременное бытие. Не погруженность в миг есть конститутивный признак переживания, отличающий его от знания, а лишь потенциальность его сверхвременности, с одной стороны, и его конкретность — с другой. Поэтому, во всяком переживании уже заключена приобщенность к вечности, потенциальное ее присутствие» (Франк, 1995, с. 361).

У. Джеймс — представитель рационального типа с направленностью на Я (тип Н в схеме №1). Мышление представляет собой поток сознания, в котором мысли и восприятия сливаются благодаря их родству с основной развиваемой идеей. «Наблюдатель» занимает созерцательную позицию, он оценивает гармоничность или дисгармоничность мыслей и восприятий этого потока сознания.

«Каждая отдельная мысль о каком-то предмете, строго говоря, есть уникальная и имеет лишь родовое сходство с другими нашими мыслями о том же предмете. Когда повторяются прежние факты, мы должны думать о них по-новому, глядеть на них под другим углом, открывать в них новые стороны. И мысль, с помощью которой мы познаем эти факты, всегда есть

мысль о предмете плюс новые отношение, в которые он поставлен, мысль, связанная с сознанием того, что сопровождает ее в виде неясных деталей. Нередко мы сами поражаемся странной переменной в наших взглядах на один и тот же предмет. Мы удивляемся, как могли мы думать известным образом о каком-нибудь предмете месяц тому назад. Мы переросли возможность такого образа мыслей, а как — мы и сами не знаем» (Джеймс, 2001, с. 87).

«Если мы бросим общий взгляд на удивительный поток нашего сознания, то прежде всего нас поразит различная скорость течения в отдельных частях. Сознание подобно жизни птицы, которая то сидит на месте, то летает. Ритм языка отметил эту черту сознания тем, что каждую мысль облек в форму предложения, а предложение развил в форму периода. Остановочные пункты в сознании обыкновенно бывают заняты чувственными впечатлениями, особенность которых заключается в том, что они могут, не изменяясь, созерцаться умом неопределенное время; переходные промежутки заняты мыслями об отношениях статических и динамических, которые мы по большей части устанавливаем между объектами, воспринимаемыми в состоянии относительного покоя...

При самонаблюдении очень трудно подметить переходные моменты. Ведь если они — только переходная ступень к определенному выводу, то, фиксируя на них наше внимание до наступления вывода, последний сообщает переходным моментам такую силу и устойчивость, что совершенно поглощает их своим блеском...

Затруднения, связанные с самонаблюдением, приводят к весьма печальным результатам. Если наблюдение переходных моментов в потоке сознания и их фиксирование вниманием представляет такие трудности, то следует предположить, что великое заблуждение всех философских школ проистекало, с одной стороны, из невозможности фиксировать изменчивые состояния сознания, с другой — из чрезмерного преувеличения значения, которое придавалось более устойчивым состояниям сознания» (Джеймс, 2001, с. 90–91).

«Мы можем мысленно развивать основную тему в сознании главным образом посредством словесных, зрительных и иных представлений; на успешное развитие основной мысли это об-

стоятельство не влияет. Если только мы чувствуем в терминах родство деталей мысли с основной темой и между собой и если мы сознаем приближение вывода, то полагаем, что мысль развивается правильно и логично» (Джеймс, 2001, с. 95–96).

Основные постулаты ученых, опирающихся на иррациональное познание.

Дж. Гибсон — представитель иррационального типа с направленностью на Я (тип В в схеме №1) — выделяет прямое и опосредованное восприятие. Восприятие — простейший и наилучший способ познания. Активность является главной характеристикой познавательного процесса. Гибсон выделяет прямое и опосредованное восприятие. Человек использует в жизни главным образом прямое восприятие. «Наблюдатель» находится внутри организма, он оценивает стимулы либо как опасные, либо как безопасные, либо как приносящие удовольствие, либо как неприятные. О памяти и мышлении трудно научно говорить, так как не существует линии раздела между настоящим и прошлым.

«Различные вещества окружающего мира предоставляют различные возможности для питания и для производства. Различные объекты окружающего мира предоставляют различные возможности для манипуляций. Другие животные предоставляют, помимо прочего, богатые возможности для сложных взаимодействий: сексуальных, хищнических, родительских, боевых, игровых, кооперативных, а также связанных с процессом общения. Для человека то, что сулит другой человек, составляет целую область социальных значимостей. Мы уделяем пристальное внимание той оптической и акустической информации, которая задает, что представляет собой другой человек, к чему он склонен, чем он нам угрожает и что он делает» (Гибсон, 1998, с. 190).

«Что такое прямое восприятие? Прямое восприятие — это особый вид активности, направленный на получение информации из объемлющего светового строя. Этот процесс я назвал извлечением информации. Для его осуществления необходимо, чтобы наблюдатель активно передвигался, смотрел по сторонам и рассматривал объекты окружающего мира. Этот процесс не имеет ничего общего с получением информации из поступающих на вход оптического нерва сигналов, что бы они из себя ни представляли» (Гибсон, 1998, с. 213).

«Как мы видим, куда идем? Мы управляем (если это в наших силах) локомоцией и направляем ее следующим образом. Короче говоря, мы увеличиваем форму, задающую цель. Ребенок бежит к матери, предельно увеличивая ее образ...» (Гибсон, 1998, с. 183).

«Много говорят об «осознаваемом» настоящем, «кажущемся» настоящем, об «объеме» актуального восприятия и объеме «непосредственной памяти», но все это — не более чем разговоры, ибо не существует линии раздела между настоящим и прошлым, восприятием и воспоминанием. Когда прекращается сенсорное возбуждение, исчезает особое чувственное впечатление, а не восприятие. Восприятие не становится памятью по истечении определенного промежутка времени. У процесса восприятия нет конца — оно осуществляется беспрестанно» (Гибсон, 1998, с. 359–360).

«Восприятие — простейший и наилучший способ познания. Однако существуют и другие формы познания.

Воображение, так же как восприятие и другие познавательные процессы, может вызваться другим человеком с помощью языка или рисунка.

Сформулированные здесь положения делают ненужными старые, избитые постулаты о прошлом опыта, памяти и мысленных образах» (Гибсон, 1998, с. 373–374).

А. Бергсон — представитель иррационального типа с направленностью на Я (тип С в схеме №1) — обосновывает свой иррационализм через отрицание рационалистической философии нового времени, создавшей по его мнению, непроходимую пропасть между субъектом и объектом познания. Интеллекту с его ограниченной, как полагает Бергсон, познавательной потенциальностью он противопоставляет инстинкт, интуицию. Для восприятия необходимо аффективное чувство. Оно окрашивает восприятие и показывает возможное воздействие вещи на Я и наоборот. «Наблюдатель» находится в двух позициях одновременно: он чувственно внутри собственного тела, а рационально — снаружи. Отсюда охват воспринимаемого по сравнению с типом «В» возрастает, приобретает космическую, а не земную пространственную перспективу. «Я» имеет определенное положение в пространстве и времени.

«Мы рассматривали живое тело как своего рода центр, из которого на окружающие предметы отражается оказываемое

ими действие: в этом отражении состоит внешнее восприятие. Но центр этот не математическая точка: это тело, подверженное, как все тела в природе, действию внешних причин, грозящих ему разрушением. Мы видели, что оно сопротивляется влиянию этих причин. Оно не ограничивается отражением внешнего действия, оно борется и таким образом вбирает в себя, поглощает нечто из этого действия. В этом источник аффективного чувства. Можно было бы сказать, прибегнув к метафоре, что если восприятие соответствует способности тела к отражению, аффективные чувства соответствуют его способности к поглощению.

Но это не более чем метафора. Следует изучить вещи ближе и ясно понять, что необходимость аффективного чувства вытекает из самого существования восприятия. Восприятие, как мы его понимаем, показывает наше возможное действие на вещи и тем самым также и возможное действие вещей на нас. Чем шире способность тела к действию (она символизируется усложнением нервной системы), тем обширнее поле, охватываемое восприятием.. В конце концов все происходит так, как будто путем действительного возврата реальных или виртуальных действий к точкам их приложения или исхода внешние образы оказываются отраженными нашим телом в окружающее его пространство, а реальные действия задержанными им внутри его субстанции. А поэтому его поверхность, общая граница внешнего и внутреннего, образует единственную часть протяжения, которая одновременно и воспринимается, и чувствуется. А это вновь означает, что *мое восприятие находится вне моего тела*, (курсив наш — прим. авторов) а мое аффективное чувство, наоборот, в моем теле» (Бергсон, 1992, с. 192–193).

«...память, в двух своих формах, поскольку она набрасывает пелену воспоминаний на фон непосредственного восприятия, и поскольку она стягивает воедино множественность моментов, составляет главное привнесение индивидуального сознания в восприятие, субъективную сторону нашего познания вещей» (Бергсон, 1992, с. 177).

«Наши потребности — это, таким образом, пучок света, направленный на непрерывность чувственных качеств и очерчивающий там отдельные тела. Потребности наши могут быть удовлетворены, лишь если мы вырежем в этой непрерывности

наше тело, а затем отделим от него другие тела, с которыми наше тело вступит в отношения, как с личностями. Установление этих совершенно особых отношений между частями, вырезанными таким образом в чувственной реальности, и есть то, что мы называем жизнью» (Бергсон, 1992, с. 285).

«Направленность сознания на действие составляет, очевидно, основной закон нашей психологической жизни» (Бергсон, 1992, с. 273).

Типичным образцом интуитивного познания Бергсон признает художественное творчество.

Ф.В. Лейбниц — представитель иррационального типа с направленностью на МИР (тип F в схеме № 1) — полагает, что в познании главную роль играют восприятия и память. Восприятия бывают двух видов: восприятие объективного мира или непосредственное восприятие, которое отличается пассивностью, и восприятие мысленного образа, которое предельно активно. Мысленный образ может в сознании раскрывать свои новые ракурсы и возможности. В познании мира преобладает позиция наблюдателя.

«Восприятие — первая способность души, занимающаяся нашими идеями. Она также первая простейшая идея, получаемая нами посредством рефлексии. Мышление часто означает деятельность духа над его собственными идеями, когда он активен и рассматривает какую-нибудь вещь с некоторой степенью произвольного внимания; в том же, что называют восприятием, дух бывает обыкновенно чисто пассивным и не может не воспринимать то, что он действительно воспринимает.

«Мы обладаем малыми восприятиями, которых мы не сознаем в нашем теперешнем состоянии. Правда, мы могли бы отлично сознавать их и размышлять над ними, если бы от этого нас не отвлекало их множество, рассеивающее наше внимание, или если бы они не оттеснялись, или, вернее, не затемнялись, более сильными восприятиями.

Здесь будет уместно заметить, что идеи, получаемые посредством ощущения, у взрослых часто искажаются суждением разума, хотя они этого и не осознают» (Лейбниц, 1983, с. 133).

«Другую способность духа, посредством которой он дальше продвигается в познании вещей, чем посредством простого восприятия, я называю удержанием (retention); оно сохраняет

знания, полученные посредством чувств или рефлексии. Удержание происходит двумя способами: первый — это действительное сохранение имеющихся в наличии идей, то, что я называю созерцанием (conplanation); второй — это способность оживления их перед духом, то, что называют памятью.

Мы удерживаем также и созерцаем врожденные знания, и очень часто невозможно отличить врожденное от приобретенного. Существует также восприятие образов: и тех, которые находятся уже в нас с некоторого времени, и тех, которые образуются в нас заново» (Лейбниц, 1983, с. 133).

«Разум можно было бы сравнить с совершенно темной комнатой, имеющей только несколько небольших отверстий, чтобы пропускать изображения внешних видимых предметов. Если бы проникшие в эту темную комнату изображения могли оставаться в ней и быть размещены в порядке, так чтобы можно было их найти в случае необходимости, то между этой комнатой и человеческим разумом было бы большое сходство.

Чтобы сходство было еще больше, следовало бы предположить, что в темной комнате имеется полотно, для того чтобы принимать изображения, притом не гладкое, а со складками, представляющими врожденные знания. Кроме того, это полотно или эта мембрана, будучи натянута, должна обладать чем-то вроде упругости или силы действия и даже активностью или реактивностью, приспособленной как к прошлым, так и к новым складкам, получившимся благодаря впечатлениям от изображений» (Лейбниц, 1983, с. 134)

А.Н. Уайтхед — представитель иррационального типа с направленностью на МИР (тип G по схеме 1) считал, что восприятие можно понимать в узком и широком смысле как чувственное и внечувственное восприятие. Сознание обладает высочайшей энергией, которая акцентирует некоторое событие. Мышление-схватывание есть приобщение к трансцендентным смыслам. «Наблюдатель» в процессе познания в мышлении сливается с объектом восприятия, духовно приобщается к нему, чувственно он находится в позиции созерцателя со стороны.

«Для каждого события опыта существенно то, что оно связано с трансцендентностью иного. Событие опыта — одно среди многих других, и оно включает в себя эти другие события. Сознание есть акцент на выборе из этих объектов. Поэто-

му чувственное восприятие совпадает с сознанием, анализируемым в связи с выбранными объектами. Сознание выражает высшую степень акцента. Очевидно, что такое определение восприятия будет более широким, чем определение, опирающееся на чувственное восприятия или на чувственные данные и телесные органы чувств. Нечувственное восприятие — это более широкое определение восприятия» (Уайтхед, 1990, с. 580–581).

«Настоящее, хотя и наследует подлинную природу прошлого во всех его живых проявлениях, тем не менее, модифицирует его, подвергает *иным* влияниям, наполняет *другими* оценками, направляет к *иным* целям» (Уайтхед, 1990, с. 581–582).

«Ритм перехода от воспроизводства к предвосхищению при реализации каждого события обусловлен вмешательством духовности. Независимо от того, будут ли идеи, введенные новым концептуальным схватыванием, старыми или новыми, они приводят к тому решающему результату, что событие начинается как следствие, обращенное в прошлое, а заканчивается как причина, обращенная в будущее. В этом промежутке и заключена телеология Вселенной.

Если духовная активность не вводит идеальных новаций, то данные концептуальных ощущений представляют собой лишь вечные объекты, проиллюстрированные ранее в исходной фазе воспроизводства. В этом случае реинтеграция с начальной фазой превращает исходное соответствующее восприятие лишь в ожидание сохранения порядка и схемы чувствования, господствующих в наследуемом материале. Господствует уступчивость. При этом область событий включает в себя пассивное подчинение налагаемым законам природы. Когда же появляется концептуальное новшество, приобретающее эффективность благодаря повторяемости и накоплению силы воздействия в цепи соподчиненных событий, возникает устойчивая личность с постоянной целью, которая порождается ею и воздействует на свое окружение. В этом случае предвосхищение сходства с будущим приобретает форму стремления превратить понятие в факт. Независимо от того, имеется концептуальное новшество или нет, субъективные формы концептуальных схватываний несут энергию Вселенной, посредством которой каждое событие частично переносит себя в будущее» (Уайтхед, 1990, с. 595–596).

«Полное понимание — это совершенное схватывание Вселенной во всей ее тотальности. Но мы конечные существа, и подобное схватывание нам не дано» (Уайтхед, 1990, с. 371).

Основные постулаты ученых, опирающихся как на рациональное так и на иррациональное познание.

Э. Эриксон (тип АВ по схеме 1) признает, что в человеческом сознании есть непосредственное восприятие и опосредованное. Непосредственное зависит только от желаний и им полностью подчиняется. Опосредованное «внутренним голосом самонаблюдения» восприятие фактически превращается в акт осознанный, переходит в мышление. Для детского возраста характерно доминирование непосредственного восприятия, с возрастом доминанта смещается в сторону самоанализа и подстройки под общественные нормы, с учетом своих целей и притязаний. Даже непосредственное восприятие обладает высочайшей активностью, оно «вбирает» все происходящее. Все стимулы также как и у З. Фрейда оцениваются с позиций стремления к удовольствию и безопасности. «Наблюдатель» находится внутри организма.

«Для младенца рот является фокусом самого первого совместного с матерью подхода к жизни. В психоанализе эта стадия обычно называется оральной стадией. Однако ясно, что, помимо доминирующей потребности в пище и восприимчивости к пищевым раздражителям, ребенок вскоре становится восприимчив и ко многому другому. Поскольку он хочет и может сосать соответствующие объекты и глотать все те жидкости, которые они выделяют, то вскоре он начинает хотеть и мочь «взять» с помощью глаз все то, что составляет его визуальное поле. Его чувства начинают «вбирать» все подходящее. В этом смысле можно говорить об инкорпоративной (вбирающей) стадии, на которой ребенок, если можно так выразиться, берет то, что ему предлагают» (Эриксон, 1996, с. 107).

«Глаза, которые вначале просто пассивно следовали за предъявляемыми раздражителями, теперь научаются фокусироваться на объектах, выделять их, «выхватывать» из окружения, активно следить за ними. Так же и органы слуха приобретают способность вычленять значимые звуки, локализовать их, соответственно менять позицию головы и тела. Руки обучаются целенаправленным движениям, умению хватать и удерживать предметы» (Эриксон, 1996, с. 109–110).

«Великим правителем, регулятором инициативы является сознание. Ребенок, как мы сказали, теперь не только боится разоблачения, но также слышит «внутренний голос» самонаблюдения, саморегуляции, самонаказания, который приводит к внутреннему расколу: происходит новое и очень сильно отчуждение. Онтогенетически это краеугольный камень нравственности. Но с точки зрения человеческой витальности необходимо отметить, что если это великое достижение будет чрезмерно эксплуатироваться слишком ретивыми взрослыми, то последствия будут отрицательны и для души, и для самой нравственности ребенка...» (Эриксон, 1996, с. 129).

«Здесь витальность приобретает форму такого независимого и в то же время активного взаимоотношения человека с его ограниченной смертью жизнью, которое мы называем мудростью, со многими оттенками значения — от зрелости «ума» до сосредоточения знаний, — тщательно обдуманного суждениями и глубоким всеобъемлющим пониманием. Не каждый человек создает собственную мудрость. Для большинства суть ее составляет традиция» (Эриксон, 1996, с. 152).

Т. Рибо (тип CD по схеме 1) полагал восприятие как сложное состояние. «Образ есть упрощение данных». Восприятие индивидуально для каждого человека, оно опосредовано его потребностно-мотивационной сферой. «Наблюдатель» находится в двух позициях: изнутри тела он воспринимает широкий спектр ощущений и производит с ними работу, снаружи он синтезирует эти ощущения, классифицируя их, абстрагируясь от конкретного и чувственного.

«Воспринимание является процессом синтетическим, однако в восприятии уже находится в зародыше диссоциация (или абстракция), потому что восприятие — состояние сложное.

Каждый человек воспринимает окружающий мир особым образом в зависимости от своей природы и влияния момента. Художник, спортсмен, купец и человек, не заинтересованный профессионально, смотрят на одну и ту же лошадь с разных точек зрения. Качества, интересующие одного, для других не так важны.

Диссоциация продолжается в образе, потому что образ есть упрощение данных, относящихся к органам чувств, и по своей природе зависит от прежних восприятий. Но этого мало.

Наблюдение и опыт показывают, что диссоциация в большинстве случаев как-то своеобразно увеличивается. Чтобы проследить это прогрессивное развитие диссоциации, мы, не вдаваясь в частности, разделим образы на три категории (образы полные, неполные и схематические) и последовательно изучим их.

Группа так называемых полных образов включает в себе, прежде всего, постоянно повторяющиеся предметы ежедневного опыта: моя чернильница, фигура моей жены, звон колокола или соседних башенных часов и проч. В эту категорию входят образы воспринятых нами явлений, встречающихся не так часто, но ясно запечатлевшиеся в нашей памяти по каким-то особым причинам... Образы неполные, как свидетельствует само сознание, рождаются из двух разных источников: во-первых, из недостаточных или плохо фиксированных восприятий; во-вторых, из впечатлений от предметов аналогичных, которые из-за очень частого повторения смешиваются... Категория неполных образов приводит нас к образам схематическим, лишенным индивидуальных признаков: смутное представление розового куста, булавки, папироски и проч. Это группа крайнего объединения: образ, потерявший постепенно свои характерные черты, превратился в тень, стал переходной формой между представлением и чистым понятием, которая известна теперь как родовой образ или, по крайней мере, приближается к нему» (Рибо, 2001, с. 143).

«Тело познается раньше, чем внешний мир» (Рибо, 2001, с. 182).

«Есть два рода памяти: одна систематизированная (привычки, заученные места из прозы и поэзии, безошибочное музыкальное исполнение и проч.), представляющая цельную массу и не способная к новым комбинациям; другая память — не систематизированная, т.е. составленная из групп небольших, более или менее связанных, это память пластическая, способная к новым комбинациям» (Рибо, 2001, с. 148).

«Не существует сознания вообще, а есть состояния сознания: только они одни реальны. Что касается стремления определить состояние сознания...: это результат наблюдения, конечный факт (Рибо, 2001, с. 8).

К.Г. Юнг (тип EF по схеме 1) отмечал, что познание включает в себя два канала — сознательный и бессознательный. В по-

знании велика роль памяти, в частности памяти поколений. Рациональные и иррациональные составляющие познания органично дополняют друг друга. Человек стремится к целостности сознания, к пониманию своего Я и мира. Бессознательное приобщает человека к вечности. Человек занимает позицию наблюдателя над материалом своего бессознательного как архетипического и объективного мира.

«Сознание подобно пленке на поверхности бессознательного, с его неведомыми глубинами. Мы не знаем, как далеко простирается власть бессознательного, поскольку вообще ничего толком о нем не знаем.

Помимо этого, сознанию свойственна некоторая узость. В каждый конкретный момент времени оно способно работать лишь с ограниченным объемом материала. Все остальное при этом оказывается бессознательным. Общее представление о сознательном мире мы получаем лишь из последовательности моментальных состояний сознания. Вследствие этой узости сознания мы не в силах представить себе образ всеобщности. Нам дано улавливать лишь изолированные сигналы существования. Получается так, будто бы мы наблюдаем за всем сквозь щель и поэтому все время видим лишь часть происходящего; все остальное покрыто мраком, и в данный момент мы о нем ничего не знаем. Если поле деятельности сознания ограничено настоящим моментом, то просторы бессознательного необозримы и непрерывны.

Сознание можно определить как соотношение психических фактов и эго. А что такое эго? Это сложное образование, которое конституируется, во-первых, общим осознанием собственного тела, собственного существования и, во-вторых, данными памяти — у вас есть некоторое представление о том, что происходило в прошлом, долгая последовательность воспоминаний. Таковы две основные составляющие феномена, именуемого эго. Таким образом, эго можно назвать комплексом психических фактов. Этот комплекс обладает мощнейшим магнетизмом: он притягивает впечатления извне, которые, соприкасаясь с эго, становятся фактами сознания (в противном случае их нельзя считать сознательными).

В сознании мы можем различить несколько функций. Благодаря им сознание может быть сориентировано либо на эктоп-

сихические, либо на эндopsихические факты. Сначала рассмотрим эктосихические функции. Прежде всего это — ощущения. Ощущение говорит мне, что нечто есть: оно не говорит мне, что есть это нечто, оно вообще не говорит мне ничего об этом нечто, кроме как то, что оно есть...

Мышление в своей простейшей форме сообщает нам о том, что есть данная вещь. Оно дает имя вещи, прилагает понятие, поскольку мышление означает восприятие и суждение. В немецкой психологии это называется апперцепцией.

Для обозначения третьей функции мы заимствуем из повседневного языка «чувство» (feeling). Благодаря тональности чувства мы узнаем о ценности вещи. Для того, чтобы получить целостную картину мира, необходимо учитывать ценностный аспект. И наконец, о четвертой функции. У вас есть то, что американцы называют чутьем (hunch). Это называется интуицией: нечто вроде предвосхищения» (Юнг, 1998, с. 14–20).

Б. Паскаль (тип GN по схеме 1) считал, что в познании чувства и разум участвуют в равной степени. Процесс восприятия и мышления идет параллельно в нескольких линиях: человек думает одновременно о многом. При этом каждая мысль и каждое чувство имеет свое развитие, иногда они сближаются и одна мысль дает ускорение и направление другой мысли. Есть знания первоначал, которые мы знаем инстинктом, на них опирается разум в своем движении.

«Самая удивительная причина заблуждений (человека — *Н.Н.*) — война между чувствами и разумом.

Человек — не более чем существо, по природе своей исполненное заблуждений, без благодати не устранимых. Ничто не указывает ему истину. Все его обманывает. Эти два источника истины, разум и чувства, не только ненадежны сами по себе, но еще и обманывают друг друга; чувства обманывают разум ложной видимостью. И за такое плутовство ум платит чувствам тем же, вознаграждая себя. Страсти берегут чувства, сбивают их с пути. Они всласть лгут и обманываются сами» (Паскаль, 2001, с. 89–90).

«Знание первоначал — пространства, времени, движения, числа — столь же твердо, как любое из тех, что даются нам рассудком; на эти-то знания, добытые сердцем и инстинктом, и должен опираться разум и основывать на них все свои рассуж-

дения. Мы сердцем знаем, что у пространства три измерения, что числа бесконечны, а уж потом разум нам доказывает, что нет двух таких квадратных чисел, из которых одно было бы в двое больше другого. Начальные понятия познаются чувством, теоремы доказываются умозаключением; и в том, и в другом знании мы можем быть уверены, хотя достигаются они разными путями, — и если разум потребует у сердца доказательства начальных понятий, чтобы согласиться их разделить, это будет так же смешно и бесполезно, как если бы сердце требовало от разума прочувствовать все доказанные им теоремы, чтобы согласиться их принять.

Итак, это бессилие должно послужить лишь к унижению разума — который желал бы судить обо всем, — но не к оспариванию нашей уверенности в своих понятиях. Если бы наставлять нас был способен один только разум, тогда пусть Бог даст, напротив, чтобы мы в нем вовсе не имели нужды и познавали бы все предметы инстинктом и чувством. Но природа отказала нам в этом благе; напротив, она дает нам весьма мало познаний такого рода, а все остальные могут достигаться лишь рассуждением» (Паскаль, 2001, с. 122–123).

«Мы смотрим на вещи не только с разных сторон, но и разными глазами; мы не заботимся о том, чтобы увидеть их схожесть» (Паскаль, 2001, с. 460).

«Чувство. Память и радость — чувства, и даже геометрические теоремы становятся чувствами, потому что разум делает чувства естественными, а естественные чувства разумом стираются» (Паскаль, 2001, с. 454).

«Порядок. Природа поместила все свои истины в саму себя. Наша мысль заключает одни в другие, но это неестественно. Каждая должна быть на своем месте» (Паскаль, 2001, с. 463).

«Сила. Почему мы подчиняемся мнению большинства? Потому, что за ним правда? Нет, потому, что за ним сила.

Почему мы следуем древним законам и древним понятиям? Потому что они самые здоровые? Нет, но они не имеют соперников и лишают нас причин для раздоров» (Паскаль, 2001, с. 473).

Таким образом, каждый предлагает свое отношение к рациональному и иррациональному в познании в зависимости от своего психотипа. Где же истина?

Рациональные и иррациональные системы восприятия.

Рациональные системы представляют собой схему процесса, в котором присутствует составляющие процесса восприятия, все этапы, элементы построения образа. Во главу угла в таких системах ставится коммуникация между субъектом и объектом или субъектом и субъектом. Модели системного подхода включают разного рода схемы взаимодействия. При этом предполагается детальное изучение всех составляющих процесса взаимодействия и функционирования объектов и субъекта. Вариант такой системы представлен в работе Л.Я. Дорфмана «Способы существования эмоций в человеке и искусстве»

В качестве системы и подсистемы человек способен создавать и воспринимать художественный образ. Интегральная индивидуальность человека понимается как целостность, большая система, в которой выделяются иерархические уровни индивидуальных свойств, между которыми существуют особого рода связи — много-много-значные и полиморфные (по В.С. Мерлину).

Иерархические уровни содержат индивидуальные свойства, представляющие разные уровни развития материи, начиная от биохимических свойств и кончая социальным статусом человека в коллективе и обществе. Таким образом, более общие системы включают в себя все более частные. Материал для исследований нарастает как снежная лавина, которой уже вообще невозможно управлять.

Для концепций этой группы исследователей важными являются вопросы: Что представляет собой человек в качестве информативного средства? Каким образом информация о психологической структуре личности может восприниматься и передаваться в процессе межличностного взаимодействия?

Дж. Брунер полагал восприятие как процесс принятия решений. «Восприятие — это процесс категоризации, в ходе которого организм осуществляет логический вывод, относя сигналы к определенной категории, и что во многих случаях этот процесс является неосознаваемым.

Процесс восприятия включает три этапа. Аналитически можно сказать, что восприятие начинается с некоторого ожидания, или гипотезы. По выражению Вудвортса, мы не просто глядим, а всматриваемся, не просто слышим, а прислушиваемся.

ся. Короче говоря, воспринимающий организм определенным образом настроен на воспринимаемое. Мы предполагаем, что установка при восприятии никогда не бывает случайной, произвольной, что мы, напротив, всегда в какой-то степени подготовлены к тому, чтобы видеть, слышать, чувствовать какой-то запах или вкус определенных вещей или классов вещей. Что служит источником таких гипотез? Всякая гипотеза — это результат активации центральных познавательных и мотивационных процессов, обусловленных предшествующим состоянием окружающей среды.

Вторым аналитическим этапом восприятия является прием информации из окружающей среды (сюда относится комплекс раздражителей, доставляемых как периферическими рецепторами, так и соматическими ощущениями). Мы сознательно употребляем термин информация для обозначения воспринимаемых раздражителей, поскольку нас интересуют не энергетические характеристики раздражителя, а его сигнальные свойства.

Третий этап цикла — процесс проверки или подтверждения. Доходящая до субъекта информация либо подтверждает данную гипотезу, согласуется с ней, либо оказывается в той или иной степени несоответствующей, опровергающей ее. Если подтверждения не наступает, гипотеза изменяется. Направление изменений определяется, с одной стороны, внутренними, связанными с установкой личности факторами опыта, а с другой — обратной связью от результатов предыдущего, частично неудавшегося этапа проверки информации. В эвристическом плане мы говорим об исходной и вторичной гипотезах, последняя из которых — это гипотеза, приходящая на смену опровергнутой». Таким образом, Брунер рассматривал восприятие как модель цикла приема—проверки информации (Брунер, 1977, с. 84–85).

Барабанщиков В.А. рассматривает в процесс восприятия в терминах «со-бытия». «Реорганизация зрительного процесса путем модификации установки, схемы и плана (курсив наш — прим. авторов) становится предпосылкой адаптивного поведения, которое, в свою очередь, выступает как фактор перцептивного научения. Напомним, что регуляторную функцию выполняет не только конечный продукт перцептивного события, но и его промежуточные результаты — продукты отдельных стадий и фаз.

Участие перцепции в детерминации процессов бытия является условием ее объективного познания. Благодаря данному обстоятельству, в частности, становится возможным по динамике развертывания фиксационного поворота глаз судить об особенностях развития зрительного образа, и наоборот.

Представление о системной детерминации перцептивного события имеет не только теоретическое или узкоэмпирическое, но и практическое значение. Имеются в виду те случаи и ситуации, которые требуют учета процессуальности восприятия: перцептивное обучение, техническое моделирование, диагностика перцептивных способностей и т. п. Серьезные практические рекомендации возможны только тогда, когда будет принята во внимание вся система детерминант микропроцесса восприятия, движение перцептивной сферы в целом. Соответственно и эффективность любого специального метода оценки (диагностики и т. д.) процесса восприятия зависит от того, насколько полно и глубоко он учитывает развивающуюся систему детерминант» (Барабанщиков, 2006, с. 210).

«Восприятие мало похоже на локальный психический процесс, свойство или функцию, дизъюнктивно отделенную от других процессов, свойств или функций. Реализуя специфическую связь индивида со средой, оно непосредственно вплетено в процесс жизни, ориентирует человека в окружающей действительности и регулирует его поведение. С этой точки зрения восприятие само является частью жизни, ее событием, которое завершается полезным перцептивным эффектом. Понятие перцептивного события — главная онтологическая характеристика перцептивного процесса, которая позволяет установить его основания, состав и структуру, стадии и механизм развития, уровни организации, свойства и детерминанты» (Барабанщиков, 2006, с. 215).

Иррациональные системы. В психологии представителем группы исследователей, опирающихся на гипотезу о гармоничности мира, несомненно стоит назвать Г.Фехнера. Он утверждал, что сознание разлито по вселенной, небесные тела одушевлены, а материя лишь обратная сторона психического. Фехнер пытается доказать это с помощью математики и эксперимента. Он проводит очень красивые, на наш взгляд, опыты

по исследованию эстетического чувства, доказывая, что формула золотого сечения не выдумана людьми: она есть отражение гармонии Вселенной, которая способна восприниматься людьми как эталон соразмерности и красоты.

Автор системы Нагибина Н.Л., представленной в схеме 1 также принадлежит к иррациональным типам. Основная идея системы, полагает она, — гармония мира и Человека, полноценное существование разных индивидуальностей в их гармоничном единстве. Интуиция является доминирующей в познании себя и мира. Восприятие синтетичное, целое доминирует над отдельными частями. Интуитивно схватывается суть явления, конкретная детализация уточняет первичную идею. В познании опора на объективную реальность. Интерес к разным мнениям и взглядам.

Мир — Космос. Человек — частица гармонии мироздания, он должен знать свое место и роль в этом мире. Душа человека созвучна законам Космоса. Общество живет в гармонии, если каждый знает свой тон.

Таким образом, как мы видим, каждый исследователь считает себя истиной в последней инстанции. Однако истина, как мы полагаем, в том, что существует два способа познания. Создавая систему восприятия необходимо учитывать оба этих способа: рациональный и иррациональный, т.к. эти два механизма, как показывают эксперименты, заложены в каждом человеке.

Методы исследования рационального и иррационального способов познания. В связи со сложностью понимания сути рациональности и иррациональности, возникает проблема метода исследования этой реальности. К сожалению, в данный момент развития науки, валидных тестов на определение рациональности и иррациональности нет. Существует, правда, два опросника (Майерс-Бриггс и Кейрси), куда входит шкала «рациональность-иррациональность». Что касается теста Майерс-Бриггс, то нами было проведено специальное исследование на выявление достоверности результатов. Вероятность ошибки оказывалась около 50 процентов. В опроснике Майерс-Бриггс по шкале «рациональность-иррациональность» заложены вопросы на уровне оценки поведенческих реакций:

Рациональный тип	Иррациональный тип
<i>2. Если Вас в субботу утром спросить, что Вы делаете в этот день:</i>	
– ответите на это достаточно точно? 1	– перечислите в два раза больше возможного или задумаетесь? 1
<i>6. Когда приходится начинать работу, с которой нужно справиться за неделю, Вы:</i>	
– начинаете с того, что устанавливаете отдельные этапы работы и порядок их выполнения. 2	– бросаетесь в дело просто так. 1
<i>17. Если Вас вдруг осенит какую-то мелочь купить или сделать:</i>	
– обычно сразу записываете, чтобы не забыть. 1	– позже об этом чаще всего забываете. 1

Один вопрос (№ 12) по сути дела представляет собой объективный тест:

12. Какое слово из каждой пары Вам более привлекательно?

– систематический	2	– спонтанный	2
– планомерный	2	– непланомерный	2
– решение	1	– импульс	2
– пунктуальный	1	– безмятежный	1
– постоянный	1	– переменчивый	-
– аккуратность	2	– непринужденность	1
– осторожность	-	– быстрота	1
– систематичность	2	– случайность	2

Как показывают данные, основной перевес в сторону «рациональности-иррациональности» часто идет за счет вопроса № 12, который составлен некорректно. Однако здесь мы не будем вдаваться в глубокий анализ достоинств и недостатков опросника, т.к. мы использовали вариант опросника на русском языке (т. е. не оригинал), а нормы не проверены на надежность на репрезентативной выборке.

Многолетние исследования показали, что самые прямые вопросы о рациональности — иррациональности себя или другого — самые верные.

Эти исследования структуры личности с позиции подвели нас к созданию экспресс диагностики, которая включает три

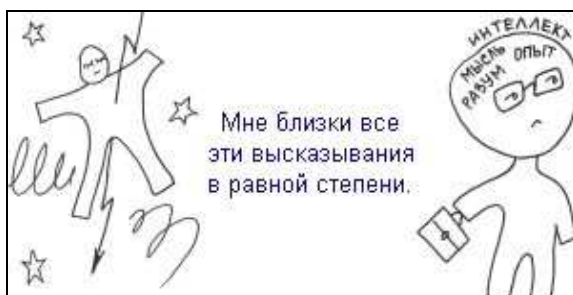
выбора: Рациональный — иррациональный, рациональность на Мир — рациональность на Я, иррациональность на Мир — иррациональность на Я. Сначала это были просто вопросы на карточках, потом они были дополнены зрительными образами. В результате было получено две карточки для первого выбора, две для второго и две для третьего. Первый выбор допускал вариант: «все высказывания про меня». Чтобы обеспечить и такой выбор испытуемым была добавлена третья карточка.

Карточка 1

Карточка 2

Карточка 3

Я пытаюсь понять мир
независимо от меня.
Меня волнуют общие вещи:
объективные значения,
вечность, бесконечность,
народ и личность в истории.

Карточка 4

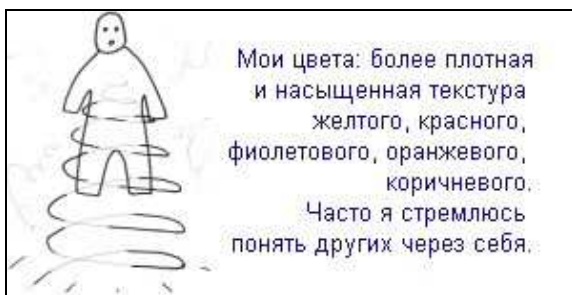
Я создаю свой
приятный для меня мир.
Меня волнует значение
мира для меня и моих близких:
Конкретные люди, человек,
мое общество, мои вещи.

Карточка 5

Мои цвета:
воздушная и прозрачная
текстура синего, зеленого,
розового, белого.
Часто я стремлюсь
понять себя через других.

Карточка 6

Мои цвета: более плотная
и насыщенная текстура
желтого, красного,
фиолетового, оранжевого,
коричневого.
Часто я стремлюсь
понять других через себя.

Карточка 7

Делая первый выбор, испытуемый определяет рациональность, иррациональность или равносильность этих функций. Приняв решение, он ограничивает последующий выбор четырьмя типами: либо четыре рациональных, либо четыре иррациональных, либо четыре смешанных. Следующий выбор относится к направленности по шкале рациональности (на мир или на Я) и оставляет всего лишь две последних возможности принятия окончательного решения о психологическом типе, которые реализуются в последнем выборе, относящемся к направленности по шкале иррациональности. И таким образом в результате человек определяет свой тип в рамках изложенного подхода.

Эмпирическое исследование влияния рациональности и иррациональности на восприятие психотипа человека по его лицу. Анализ и изучение различных методологических подходов к пониманию иррациональности и рациональности выявил ряд положений, которые провозглашаются как данность реальности, но не были проверены на эмпирическом уровне. Это и обусловило цель нашего дальнейшего исследования, в котором проверялось две гипотезы:

гипотеза 1: Иррационалы более точно определяют тип, чем рационалы в условиях большого числа степеней свободы решения задачи;

гипотеза 2: Рационалы и иррационалы различаются в решении задач на восприятие типа человека по лицу по времени реакции: иррационалы затрачивают меньше времени, чем рационалы.

Испытуемые: 145 человек: мужчины и женщины от 19 до 65 лет. Среди них большинство студенты психологического факультета МосГУ и Института психоанализа г. Москвы, студенты различных факультетов Нижегородского университета.

Стимульный материал: с помощью компьютерной программы были созданы «химерные» (зеркальное отображение левой и правой половин «разделенного лица») изображения лиц одного и того же персонажа. Среди предъявляемых изображений были представители *рациональных и иррациональных* типов. В частности, на рисунке 1 изображен персонаж с доминирующей *рациональной* функцией с направленностью на МИР.

РИСУНОК 1.

Целое лицо

«Химерное» лицо,
составленное из
двух правых поло-
вин

«Химерное» лицо,
составленное из
двух левых половин

На рисунке 2 представлен персонаж с доминирующей *иррациональной* функцией с направленностью на Я.

РИСУНОК 2.

Целое лицо

«Химерное» лицо,
составленное из
двух правых поло-
вин

«Химерное» лицо,
составленное из
двух левых половин

Условия проведения. Для проведения эксперимента используется программа n-types, специально созданная для этого экспериментального исследования сотрудником лаборатории системных исследований психики Института психологии РАН Жегалло А.В.

Испытуемый сидит перед монитором компьютера. На мониторе экрана возникает целое лицо (составленное либо из двух правых половинок, либо из двух левых половинок, либо нормальное, обычное лицо). Типы предъявляемых персонажей были определены ранее автором типологической системы Нагибиной Н.Л. Рядом с фотопортретом на мониторе высвечивается сначала три картинки, сопровождающих текст, потом две, и потом еще две. Картинки и текст являются авторским экспресс-диагностическим тестом на определение психотипа по системе психологических типов Нагибиной Н.Л. Первые три — на определение рациональности, иррациональности или переходности (когда рациональность и иррациональность находятся в равновесии); вторые две определяют позицию в мире по шкале рациональности «Я в МИРЕ» и «Я и МИР»; третьи — объективность и субъективность в познании мира.

Инструкция: с помощью «мышки» выбрать одну картинку, содержание которой наиболее соответствует предъявленному лицу.

Задания выполняются строго индивидуально. Время не ограничено.

Обработка и обсуждение результатов. В специальной директории сохраняются результаты каждого испытуемого, где представлена информация о выборах на каждом из трех этапов экспресс-теста и по каждому предъявленному лицу, а также зафиксировано время, потраченное на каждый выбор. Мы получили 145 таблиц.

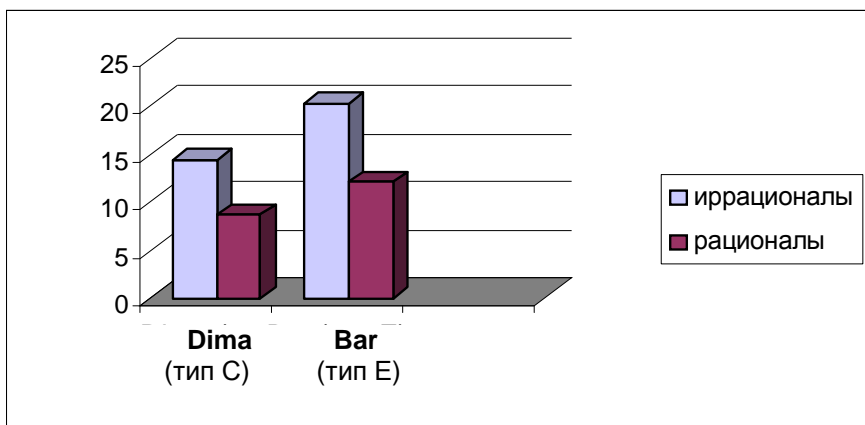
Для проверки гипотезы, что *иррационалы более точно определяют тип, чем рационалы в условиях большого числа степеней свободы решения задачи* было подсчитано: а) общее количество отнесений каждого персонажа к каждому из 12 типов и б) количество испытуемых, отнесенных к рациональному или иррациональному типу. Таким образом, было получено еще 10 таблиц, где показано количество соотношения рациональными и иррациональными испытуемыми всех персонажей к их соб-

ственному типу. Далее была составлена сводная таблица, в которую вносились определения типов испытуемыми (иррационалами и рационалами) каждого персонажа в трех вариантах изображений их лиц.

Для всех персонажей высчитывалось общее количество отнесений к правильному типу (т.е. к типу, определенному как самим персонажем, так и экспертами-авторами исследования) и эти данные вносились в отдельные таблицы.

Суммарный процент правильных ответов для рационалов и иррационалов представлен в диаграмме 1.

ДИАГРАММА 1. Процент правильных ответов рационалами и иррационалами

Как видно из диаграммы, иррационалы дают больший процент точных угадываний. Результат оказался статистически значим — $\text{Chi-Square} = 2,711605$ $df = 1$ $\text{при } p < ,09$.

Таким образом, гипотеза подтверждена, хотя уровень ошибки достаточно высок.

Для проверки гипотезы о том, что *рационалы и иррационалы различаются в решении задач на восприятие типа человека по лицу по времени реакции* все испытуемые были расклассифицированы в три группы — рационалы, иррационалы и смешанные. Для дальнейшего сравнения были взяты только группа иррационалов в количестве 36 и рационалов в количестве 27 человек.

Была составлена сравнительная таблица средних значений времени реакции рационалов и иррационалов по каждому из трех выборов.

Для проверки гипотезы о значимости различий использовался Т-критерий Стьюдента. Различия оказались статистически незначимыми.

Для выбора 1: $T = 1,45$ при $p = 0,16$, различия не значимы.

Для выбора 2: $T = 0,07$, при $p = 0,9$, различия не значимы.

Для выбора 3: $T = 0,24$, при $p = 0,8$, различия не значимы.

Таким образом, гипотеза о том, что время реакции рационалов и иррационалов в решении задач на восприятие типа человека по лицу различается, не подтвердилась.

Попытка все-таки поискать различия на более глубоком уровне привела нас к необходимости провести факторный анализ. С этой целью были составлены три таблицы времени реакции: в одну вошли средние оценки каждого испытуемого по всем персонажам (см. табл. № 6), в другую — время реакции всех испытуемых по одному рационалу, в третью время реакции всех испытуемых по иррационалу. Эти три матрицы (каждая отдельно) были подвергнуты факторному анализу с помощью компьютерной программы Статистика.7. Выделяется одинаковый фактор, вне зависимости от рациональности / иррациональности испытуемых и предъявляемых персонажей. В таблице, представленной ниже отражен результат факторного анализа:

ТАБЛИЦА 3.

Оценки персонажа Ваг (тип с доминирующей рациональной функ- цией)	Оценки персонажа Dima (тип с доминирую- щей иррациональ- ной функцией)	Средние оценки всех персонажей
Factor 1 Выбор 10,783501 Выбор 20,830382 Выбор 30,687343	Factor 1 Выбор 10,782502 Выбор 20,752344 Выбор 30,549132	Factor 1 Выбор 1-0,911686 Выбор 2-0,946879 Выбор 3-0,905383
Expl. Var 1,775848 Prp. Totl 0,591949	Expl. Var 1,479876 Prp. Totl 0,493292	Expl. Var 2,547470 Prp. Totl 0,849157

Этот результат приводит нас к парадоксальным выводам о том, что исторически узаконенное предположение о существовании двух принципиально разных по своей детерминации механизмов познания не соответствует эмпирической реальности, по крайней мере, на уровне времени решения задачи восприятия и оценки психотипа по лицу человека. Как можно объяснить полученный результат? Стабильно выделяемый фактор с очень высокими нагрузками говорит о том, что действительно существует какая-то логика более высокого порядка, не зависящая от рациональности либо иррациональности и того, кто воспринимает, и того, кого воспринимают. Рассматривая результаты с позиции поиска индивидуальных различий, можно встретить варианты распределений времени реакции одного испытуемого по различным выборам. Например, в таблице №.. время реакции последнего выбора значительно превышает время реакции первых двух, в то время как значительно чаще встречается последовательность 1, 2, 3. Существуют и другие комбинации: у различных испытуемых — различные.

Таким образом, как рационал, так и иррационал используют обе функции, что не противоречит современным взглядам на природу и механизм рациональности и иррациональности. Перед исследователями встает объяснительная гипотеза о сути этого взаимодействия. Возможно, здесь имеет место диалектика взаимодействия сознательного и бессознательного в человеческой психике. Как показали современные исследования, бессознательное не всегда иррационально, а сознание не обязательно рационально. Психика неоднородна. Мы полагаем, что рациональный компонент в познании плавно переходит в иррациональный, запуская рациональный и так бесконечно. В первую очередь, возникает ассоциация с волновым процессом, где задействованы пространство, время и энергия.

Разрешая одни вопросы и задачи, мы закономерно приходим к другим, возможно более интересным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Эббингауз Г., Бен А.* Ассоциативная психология. — М.: АСТ-ЛТД, 1998.

2. *Барабанищиков В.А.* Психология восприятия: Организация и развитие перцептивного процесса. — М.: Когито-Центр, Высшая школа психологии, 2006.

3. *Барабанищиков В.А., Нагибина Н.Л.* Системно-биографический подход в создании психологического портрета // *Нагибина Н.Л.* Психология типов. Системный подход. Психологические методики. — М.: Институт молодежи, 2000. Ч. 1.

4. *Бергсон А.* Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. — М., 1992.

5. *Брунер Дж.* Психология познания. За пределами непосредственной информации. — М.: Прогресс, 1977.

6. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. — М.: Прогресс, 1988.

7. *Джеймс У.* Общая психология. Тексты: В 3 т. — М.: УМК «Психология», Генезис, 2001. Т. 1.

8. *Ильясов И.И., Нагибина Н.Л.* Об основах типологической системы // *Psycosmology*. — М.: ПДР, 2007. Вып. 1. С. 2–5.

9. *Лейбниц Ф.В.* Собрание сочинений: В 4 т. — М.: Мысль, 1983. Т. 2.

10. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. — М.: Наука, 1984.

11. *Ломов Б.Ф.* Системность в психологии / Под ред. В.А. Барабанищикова, Д.Н. Завалишиной, В.А. Пономаренко. — М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.

12. *Микешина Л.А.* Философия науки: Учебное пособие. — М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006.

13. *Митькин А.А.* Системный детерминизм: синергические и психологические аспекты // *Идея системности в современной психологии* / Под ред. В.А. Барабанищикова. М.: Институт психологии РАН, 2005. С. 48–69.

14. *Нагибина Н.Л.* Психология типов. Системный подход. Психологические методики. — М.: Институт молодежи, 2000. Ч. 1.

15. *Паскаль Б.* Афоризмы. Максимы. Мысли. — М., 2001.

16. *Пономарев Я.А.* Психология творчества. — М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999.

17. *Рибо Т.* Болезни личности. Опыт исследования. — Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001.
18. *Уайтхед А.Н.* Избранные работы по философии. М., 1990.
19. *Франк С.Л.* Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания // Предмет знания. Душа человека. — СПб., 1995.
20. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. — М.: Наука, 1991.
21. *Фрейд З.* Психология бессознательного. — М.: Просвещение, 1989.
22. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.
23. Архетип и символ. М., 1991.
24. *Юнг К.Г.* Психологические типы / Под общей ред. В. Зеленского. — СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995
25. *Юнг К.Г.* Тэвистокские лекции // Исследование процесса индивидуации. — М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1998.
26. *Герт Б.* Рациональное и иррациональное в поведении человека // <http://loaddoc.ru/2007/06/21/3263-gert-ratsionalnoe-i-irratsionalnoe-v-povedenii-cheloveka-txt?format=html>.
27. *Хаджаров М.Х.* Рациональность, иррациональность и современность // <http://www.orenburg.ru/culture/credo/21/khadzharov.html>.
28. *Гуревич П.С.* Поиск новой рациональности (по материалам трех всемирных конгрессов) // <http://www.agnuz.info/library/books/ratsionalnost/index.htm>.